

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

В. Ю. Франчук

ЛЕТОПИСАНИЕ МСТИСЛАВОВА ПЛЕМЕНИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Гипотеза Б. А. Рыбакова о создании в XII в. исторического труда, фрагменты которого, по его предположению, дошли до нашего времени в составе Киевского летописного свода 1198 г., поддержанная филологами (Д. С. Лихачев, А. С. Мельничук, О. В. Творогов), вначале историками не рассматривалась. В последнее время намечается или сдержанно критическое отношение к ее положениям (И. Н. Данилевский, Т. Л. Вилкул), или открытая полемика с ними (П. П. Толочко). Построенная на историческом материале гипотеза Б. А. Рыбакова нуждается в дополнительных фактах. В частности, требует доказательств самого существования труда, которому ученый дал название «Летопись Мстиславова племени».

Мысль о том, что летописцу, описавшему жизнь сына Мстислава Изяслава Мстиславича, могут принадлежать и другие фрагменты Киевской летописи, была высказана еще в XIX в.¹ отождествив этого летописца с послом Петром Бориславичем², Б. А. Рыбаков вначале предполагал, что его последняя запись помещена под 1168 г. «Очень важно отметить, — пишет он, — что летопись Изяслава и его сына, ведшаяся на протяжении сорока лет и предположительно связанная с именем боярина Петра Бориславича, оборвалась точно на том самом месте, где князь Мстислав Изяславич, “озлобив” Петра Бориславича, отдалил его от себя»³. Позже ученый расширил границы летописной деятельности Петра Бориславича, всесторонне охарактеризовал ее, посвятив этому вопросу две книги⁴. Материалы Петра Бориславича, как считает исследователь, охватывают большой промежуток времени (1146—1196 г.) и количественно составляют около половины записей Киевской летописи за эти годы. До 1146 г. в ее тексте можно видеть лишь отдельные поздние вставки этого летописца. Внимание к государственным делам, равнодушие к церкви, знание военного дела и объективное изложение спорных вопросов — эти черты, по мнению ученого, отличают записи, принадлежащие Петру Бориславичу.

Предположение Б. А. Рыбакова о составлении в XII в. летописи, автором которой было светское лицо, нашло отклик в трудах языковедов⁵. В журнале «Вопросы языкознания» была напечатана наша статья, посвященная вопросу определения авторства отдельных фрагментов Киевской летописи⁶.

¹ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 103—104.

² В статье применяются условные имена летописцев, как известные в исторической науке, так и предложенные Б. А. Рыбаковым: Галичанин, Моисей Выдубицкий, Петр Бориславич, Поликарп.

³ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 340.

⁴ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

⁵ Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 77—92.

⁶ Франчук В. Ю. Киевская летопись как памятник языка // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 41—51.

Поддержал идею светского летописания в XII в., предложенную Б. А. Рыбаковым, и А. С. Мельничук. В докладе на IX съезде славистов он высказал следующие соображения: «Наряду с церковными и монастырскими центрами великокняжеская канцелярия (а за ней и канцелярии других княжеств) стала одной из баз развития древнерусского летописания»⁷. Отметим гипотезу Б. А. Рыбакова, сравнившего тексты Петра Бориславича с текстом «Слова о полку Игореве», исследователи этого памятника — литературоведы⁸. «Имя Петра Бориславича реально. С полной уверенностью можно говорить о том, что он занимался литературной деятельностью и был незаурядным писателем своего времени, — признает Л. А. Дмитриев. — Поэтому гипотеза о существовании особой летописи, составленной им, вполне вероятна. Эта гипотеза основывается на данных реально сохранившихся летописных текстов»⁹.

Иначе подходят к данной проблеме историки. Лишь у коллектива, создавшего книгу, посвященную методам определения авторства, не вызвала сомнения принадлежность текстов Киевской летописи за 1146–1154 и 1194–1195 г. одному и тому же лицу. Выводы Б. А. Рыбакова они подтвердили методами формального (количественного) анализа¹⁰. После выхода в свет последней книги Б. А. Рыбакова на эту тему «Петр Бориславич. Поиск автора “Слова о полку Игореве”», которая подвела итоги его многолетним разысканиям, И. Н. Данилевский откликнулся на нее этюдом «Исторические уроки Петра Бориславича». Сомнение у исследователя вызывает обоснованность отбора текстов, на которых строится реконструкция «Летописи Мстиславова племени». Имея в виду нашу монографию «Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении» (Киев, 1986), он пишет: «Что же касается лингвистического доказательства гипотезы Б. А. Рыбакова о едином авторстве ряда записей XII в. в составе Ипатьевской летописи¹¹, то для него, вероятно, необходим более полный и тонкий анализ. Простые совпадения в лексике и фразеологии здесь вряд ли помогут. Они могут объясняться взаимовлиянием сравниваемых текстов друг на друга либо общим источником, на который опираются, а не только тем, что были написаны одним автором. Для доказательства последнего тезиса требуется установить сугубо индивидуальные черты, присущие данному летописцу и одновременно отделяющие его от всех прочих собратьев по перу (“лингвистический спектр” автора)»¹². Т. Л. Вилкул признает, что достаточно много характерной лексики, встречающейся в записях за 1146–1152 г., повторяется потом в тексте 90-х годов XII в. Однако, как считает исследовательница, это может означать, что «текст 40–50 годов редактировал летописец Рюрика Ростиславича, который детально обработал идею совместного правления Изяслава и Ростислава. Поиски авторитетного примера были актуальными для Рюрика, который длительное время правил вместе со Святославом Всеволодичем»¹³.

Полностью отвергает предположение Б. А. Рыбакова об одном авторе летописных статей, с одной стороны, за 1146–1154 г. и, с другой стороны, за 1181–1196 г. П. П. Толочко. «Б. А. Рыбаков, — пишет он, — стремясь ответить на вопрос, кто был летописцем великого киевского князя Рюрика Ростиславича, пришел к неожиданному и даже парадоксальному выводу, что это — Петр Бориславич»¹⁴. Не соглашается П. П. Толочко и с мыслью Б. А. Рыбакова о том, что один из авторов летописи Рюрика Ростиславича был светским лицом. В доказательство он приводит статью 1180 г., «в которой говорится о согласии Рюрика быть соправителем Святослава: “Рюрикъ же аче побѣду возма, нъ ничто же горда учини, но возлюби мира паче

⁷ Мельничук А. С. О языке Киевской летописи XII века // IX Міжнародний з'їзд славїстів. Слов'янське мовознавство. Київ, 1983. С. 119.

⁸ Творогов О. В. Некоторые принципиальные вопросы изучения «Слова о полку Игореве» в советской филологической науке // Русская литература. 1977. № 4. С. 88–102; Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. Л., 1983. С. 340–341.

⁹ Дмитриев Л. А. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1986. № 4. С. 6–7.

¹⁰ От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства / Под ред. чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1994. С. 113.

¹¹ Киевская летопись является составной частью рукописного сборника, известного как Ипатьевская летопись.

¹² Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). Курс лекций. М., 2000. С. 331.

¹³ Вилкул Тетяна. Літопис Святослава Ольговича у складі Київського зводу XII століття // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ; Львів, 2004. Т. II. С. 64.

¹⁴ Толочко П. П. Давньоруські літописи і літописці X–XIII ст. Київ, 2005. С. 166.

рати, ибо жити хотя въ братолюбьи, паче же и хрестьянъ дѣля... и урядився с нимъ (Святославом. — П. Т.) съступи ему старѣишнства и Киева, а собѣ взя всю Рускую землю и утвердившеса крестомъ честнымъ»¹⁵.

На основании лингвистических данных эта часть статьи 1180 г. принадлежит игумену Моисею, методы работы которого проанализированы в наших исследованиях. По мысли же Б. А. Рыбакова, светский характер летописи Рюрика Ростиславича подтверждают введенные в ее текст документы. «Последняя черта, которую хотелось бы отметить у этого летописца, — пишет он, — это стремление документировать свою хронику княжеских взаимоотношений подлинными документами, чем он напоминает летописца более раннего времени — Петра Бориславича. Пока он описывает сравнительно спокойные годы, мы не ощущаем этой документальности, но когда мы знакомимся с записями о бурных годах борьбы Рюрика с Романом, Ярославом и Всеволодом (1195—1196), то тут явно выступает желание летописца подтвердить правоту Рюрика подлинными текстами грамот, посланных князем или полученных им... Всего можно насчитать для этого периода свыше полутора десятков грамот. Некоторые из них довольно пространны и не сообщают никаких новых фактов, летописец вводит их в свою хронику, очевидно, потому, что считает посылку грамоты тоже историческим событием, подлежащим фиксации»¹⁶.

Деятельность Петра Бориславича как дипломата и канцеляриста координируется с фактами, приведенными Б. А. Рыбаковым, и с нашими наблюдениями лингвистического характера. Известно, что оригиналы междукняжеских договорных грамот относятся к середине XIV в. Историки предполагают, что упоминаемые в летописании XII в. как крестные — «это договорные грамоты»¹⁷. Письменные клятвенные акты о соблюдении взятых главою государства (княжества) обязательств, вытекающих из заключенных международных договоров, в разное время носили разные названия: крестная грамота (XII—XV в.), целовальная (крестоцеловальная) грамота (конец XIV—XV в.), шертная грамота (конец XV—XVII в.), присяжный лист (XV в.). Эти разновидности клятвенных документов, считает Ф. П. Сергеев, «можно квалифицировать как своего рода ратификационные грамоты»¹⁸.

В описании событий второй половины XII в. в Киевской летописи за 1147—1153 г. **крестные грамоты** как вид дипломатических документов упоминаются в случае невыполнения обязательств одним из договаривающихся правителей. Тогда к нему отправляется специальный представитель (посол, муж) «съ хрестьяными грамотами» (С. 245)¹⁹; «съ хрестьяными грамотами» (С. 318). Изложив претензии, как правило, от имени одного князя к другому, посол кончает их словами: «а се твоѣ грамоты хрестьяныя» (С. 318). После этого он «поверже имъ грамоты хрестьяныя» (С. 245) или «положа ему грамоты хрестьяныя, лѣзе вонъ» (С. 318).

Случаи упоминания крестных грамот в XII в. малочисленны. В Киевской летописи терминологическое сочетание **крестные грамоты** встречается 11 раз: под 1147 г. — 2 раза, под 1153 г. — 3 раза. Словосочетание **крестные грамоты** отмечено также в серии статей под 1195—1196 г. — последними годами, по наблюдениям Б. А. Рыбакова, летописной деятельности Петра Бориславича²⁰: «Рюрикъ же... послаша ко Святославу мужи своя, рекущи ему: “Ты, брате... ступилъ еси ряду... а се ти крестныя грамоты”. Святославъ же приемъ грамоты, не хотѣвъ креста целовати» (С. 450—451); «Рюрикъ... к Романови посла ко зятю своему мужи своя, обличи и и повѣрже ему крестныя грамоты; Романъ же ублюдъся тѣстя своего, ажъ ему извѣрглъ крестныя грамоты, и ѣха в Ляхы» (С. 461); «Се же слышавъ Рюрикъ, и посла изо Вручего перекры к нему со крестьяными грамотами, река ему: “...а се ти крестныя грамоты”» (С. 465).

Только один раз существительное **грамота** во множественном числе, но без определения фиксируется в сочетании с глаголом **пряти**. В остальных случаях примеры под 1195—1196 г. не

¹⁵ Там же. С. 167.

¹⁶ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 146.

¹⁷ Свердлов М. Б. Древнерусский акт XI—XIV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. С. 64.

¹⁸ Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка XI—XVII вв. Львов, 1976. С. 47—48.

¹⁹ Примеры приводятся по изданию Ипатьевской летописи, на которую ссылается Б. А. Рыбаков: Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. Страницы указаны в тексте в круглых скобках.

²⁰ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 146.

отличаются от примеров под 1147–1153 г. и могли быть внесены в летопись одним автором. Сомнение вызывает лишь пример под 1144 г. — первый случай употребления словосочетания **крестная грамота** в древнерусском летописании: «В то же лѣто роското ростася Всеволодъ с Володимѣромъ про сына, оже сѣде сынъ его Володимири, и почаста на ся искати вины; и Володимерко възверже ему грамоту хрестъную, Всеволодъ же с братьею иде на нь» (С. 225). Контекст показывает, что фрагмент со словосочетанием **крестная грамота** повторяется далее в сокращенном виде: «Того же лѣта ходиша Олговичи на Володимиръка, Всеволодъ съ братома» (С. 225).

Наряду с дипломатическими выражениями **положити (повергнути, извергнути) крестные грамоты** в текстах этого же периода прослеживается конструкция **пребыти у велици любви и у велице весельи**, отмеченная И. П. Ереминым в качестве характерной особенности одного из авторов Киевской летописи²¹. На первый взгляд, мнению известного литературоведа противоречит следующее высказывание специалиста в области древнерусского литературного языка: «Невозможно в принципе говорить об авторстве того или иного варианта традиционной формулы применительно к древнерусской литературе. Авторства сознательно избегали, смиренно прячась за самоуничжительными формулами введения или послесловия. Авторство исключалось не только благодаря возможности широко варьировать формулу в ее словесном наполнении — основному принципу сложения и бытования синтагм. Трудно сказать, кто первый употребил тот или иной вариант, но литературным фактом становилась только вошедшая в обращение формула. В истории литературного языка лишь весьма условно можно установить те общие основания, которые руководили писателем: дополнения или усечения исходных формул, их словесное и формальное наполнение исходя из широкого контекста и т. д.»²².

На самом деле речь идет о том, что один из авторов Киевской летописи творчески применил известную в древнерусский период дипломатическую формулу, где слово **любовь** употреблялось для выражения понятия «дружба, дружеские отношения». Чаще всего это понятие реализовалось соединением существительного в соответствующем падеже (без предлога **в** или с ним) с глаголами **имѣти, быти, прияти, жити, держати** и т. п.²³ Нашему предположению соответствует пожелание Ватрослава Ягича обращать внимание на участие различных лиц в создании летописей. «Впрочем все эти вопросы пока еще слишком мало исследованы, — пишет ученый в письме к своему ученику Б. М. Ляпунову от 27 ноября 1887 г. — Ведь помимо грамматики, должно быть, есть еще и обороты, любимые слова и т. д., по которым надо будет со временем узнавать происхождение писателя или писца»²⁴.

Первоначально (1147 г.) в Киевской летописи встречается усеченная конструкция с опорным словом **веселье**: «Изяславъ же съ братомъ своимъ Ростиславомъ... пришедша же Киеву, и похвалиста Бога и поклонистася святымъ церквамъ, и пребыста у весельи» (С. 252–253). Семантика существительного **веселье** в составе этой конструкции раскрывается в дальнейшем полнее, так как оно употребляется в сочетании с существительным **любовь** в уже отмеченном значении. **Веселье** означает здесь «радость». С 1148 г. конструкция принимает вид **пребыти в любви и весельи**, а вошедшие в нее существительные могут иметь при себе еще определения. 1148 г.: «и пребывше у весельи и у любви» (С. 258); «и пребыста у велицѣ любви и въ весельи» (С. 259). 1150 г.: «и пребыша у велицѣ весельи» (С. 288). 1151 г.: «и пребыша у велицѣ любви» (С. 290); «и пребыша у велицѣ весельи и у велицѣ любви» (С. 293); «и пребыша у велицѣ весельи и у велицѣ любви» (С. 305). 1152 г.: «и тако пребывше въ величѣ любви и у велицѣ весельи» (С. 313); «и пребыша у велицѣ любви и у велицѣ весельи» (С. 313); «и ту пребыша у весельи» (С. 317); «и пребыша у велицѣ любви и у велицѣ весельи» (С. 317).

²¹ Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 113.

²² Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 171–172.

²³ Бурячок А. А. Формування спільного фонду соціально-політичної лексики східнослов'янських мов: Назви відносин між державами, народами. Київ, 1983. С. 177.

²⁴ Документы к истории славяноведения в России. М.; Л., 1948. С. 130.

После смерти Изяслава Мстиславича его личное летописание прекратилось. В составе Киевской летописи, однако, обнаруживаются записи его летописца и более позднего времени²⁵. Как правило, в них описываются действия старшего сына Изяслава Мстислава Изяславича или отстаиваются интересы детей покойного великого князя. В одной из таких записей под 1155 г. снова встречается конструкция **пробыти у весельи**: «Ростиславъ... приде къ строеви своему Дюргеви в Киевъ, и тако обуястася с великою любовью и с великою честию, и тако пребыша у весельи. Ростиславъ же пришедь Киеву, и почася молити о братанъхъ своихъ» (С. 330). Мысль о существовании описания жизни и деятельности Изяслава Мстиславича, созданного, по мнению Б. А. Рыбакова, Петром Бориславичем, а также предположение о том, что отдельные заметки этого летописца встречаются в летописи и после смерти князя, лингвистически подтверждается. Особенности летописной манеры Петра Бориславича прослеживаются в Киевской летописи на протяжении многих лет. Так, после длительного перерыва (35 лет) на ее страницах под 1190 г. снова появляется конструкция **пробыти у любви и весельи**: «Того же лѣта Святославъ сватомъ своимъ с Рюрикомъ утишивъша землю Рускую и половци примирившя в волю свою, и сдумавша, и идоста на ловы по Днепру в лодьяхъ, на устья Тесмени, и ту ловы дѣявша и обловишася множествомъ звѣрѣй; и тако наглумистася и во любви пребыста и во весельи, по вся дни» (С. 449).

Последний раз эта конструкция фиксируется под 1195 г.: «Давыдъ же приѣха ко Рюрикови на обѣдъ, и быша в любви велици и во весельи мнозѣ» (С. 458); «И оттолѣ позва сыновѣдъ его Ростиславъ Рюриковичъ к собѣ на обѣдъ к Бѣлугороду, и ту пребыша в весельи велицѣ и в любви мнозѣ» (С. 458); «Давыдъ же позва великого князя Рюрика на обѣдъ к собѣ, брата своего, и дѣти его, и ту пребыша в веселии и в любви велицѣ» (С. 458); «Давыдъ же позва кыянѣ к собѣ на обѣдъ, и ту бысть с ними в весельи мнозѣ и во любви велици» (С. 458). Ср.: «потомъ же Давыдъ позва монастыря вся на обѣдъ, и бысть с ними веселье» (С. 458). Она повторяется здесь пять раз и вместе с другими факторами определяет начало и конец деятельности летописца. Время ведения летописи Петром Бориславичем (1146–1196 г.), установленное Б. А. Рыбаковым на основании других данных, подтверждается с точностью до одного года.

Однако ни аргументы, приведенные Б. А. Рыбаковым, ни лингвистические факты, изложенные в наших работах, не представляются П. П. Толочко достаточно убедительными. Имея в виду группы статей Киевской летописи за 1146–1154 г. и 1181–1196 г., он обращает внимание на то, что, по мнению Б. А. Рыбакова, они почти не различаются. Их близость, на взгляд этого ученого, прослеживается в четкости языка, лишенной любых диалектизмов, светском характере текстов, киевской приуроченности хроники, внимании к черным клубукам и др. «На самом деле близости, которой нельзя отличить, нет, — утверждает П. П. Толочко. — Летописец Рюрика значительно лапидарнее летописца Изяслава Мстиславича. Его хроника за 16 лет великого княжения Рюрика представляет едва третью часть летописи Изяслава, которая описывает период вдвое короче. Что касается языка, то его четкость в обоих массивах статей не может быть свидетельством принадлежности одному автору. Заметно отличаются хроники одна от другой употреблением слов, а также летописных клише (выделено нами. — В. Ф.). Выше уже акцентировалась характерная манера стиля Петра Бориславича относительно употребления полногласного существительного **веремя**: “В то же веремя приѣгоша из Руси дѣцкы” или “В то же веремя Изяславъ посла посоль свои к Ростиславу”. Ничего похожего в летописи Рюрика нет. Существительное **веремя** в ней не употребляется вообще, а начало предложений с временным обозначением имеет совсем другое клише: “В то же лѣто”, “Того же лѣта”. Приблизительно со статьи 1190 г. наряду с приведенными широко входят в летописные тексты выражения, которые начинаются словами: “Тое же зимы”, “Тое же осени”»²⁶.

В связи с сомнениями, высказанными П. П. Толочко, уместно рассмотреть функционирование хронологических формул в древнерусском летописании. Каждая летописная статья охватывает события, происходившие на протяжении одного года. Она начинается формулой «Въ лѣто...», где после слова **лѣто** указан год от сотворения мира. Существительное **лѣто** имеет здесь значение «год», т. е. «время,

²⁵ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 297.

²⁶ Толочко П. П. Давньоруські літописи і літописці X–XIII ст. С. 167.

равное кругообороту Земли вокруг Солнца»²⁷, а формула «**Въ лѣто...**» предполагает заполнение данной графы фактами, которые имели место именно в данный год. Сам же этот оборот — в форме обстоятельства времени — означает констатацию факта, относящегося к данному временному отрезку. В пределах одного года формулы более разнообразны: **томъ же лѣтѣ; того же лѣта; то же лѣто; се же лѣто; сего же лѣта; въ то же время; тогда; тогда же; потом же** и т. д. Как отмечает И. П. Еремин, функция этих формул двоякая: это указатель времени и вместе с тем формулы перехода от одного сообщения к другому²⁸.

Когда слово **лѣто** употребляется в формулах, соединяющих известия в пределах года, его значение приближается к значению существительного **время**. По наблюдениям А. С. Львова, в этом случае разница между **время** и **лѣто** состоит в том, что первое употребляется для обозначения одновременного с другим события, а последнее — событий, произошедших в одном году. «По-видимому, — считает исследователь, — это различие в указанных словах не всегда соблюдалось»²⁹. А. С. Львов отмечает далее, что в «Повести временных лет» формулы со словом **лѣто** иногда употребляются при описании действительно летних событий³⁰.

По нашим наблюдениям, в Киевской летописи уже в ее начале появляются формулы, указывающие на протекание событий в разные времена года. Так, под 1135 г. наряду с формулами **В се же лѣто; В то же лѣто** отмечена формула **Тоѣ же зимы**: «В то же лѣто преставися епископъ Переяславский Марко. Тоѣ же зимы Вячславъ лишився Переяслава, иде опять Турову» (С. 212—213). Указание на зимний сезон встречается и под 1142 г.: «В ту же зиму посла Всеволодъ сына своего Святослава, Изяслава Давыдовича, съ Володимеромъ с Галичьскимъ, во помочь зятю своему Володиславу» (С. 224). Под 1148 и 1155 г. речь идет об осенних событиях: «Того лѣта, на осень, скупишася на снемь, у Городка, Мьстиславичъ Изяславъ, Володимеръ Давыдовичъ и братъ его Изяславъ» (С. 257); «Тоѣ же осени придоша половци и воеваша Поросье» (С. 329). В расположении материала внутри годовой статьи, подчеркивают многие исследователи летописания, находят свое выражение древние (архаические) способы ведения заметок, сообщающих о том или ином важном событии, начало которых теряется в глубине веков. Здесь же проявляются новые тенденции, сближающие летописание XII в. с рассказом историка и с произведениями художника слова. В приемах организации материала, как показывают наши наблюдения, наиболее ярко выявляются индивидуальные особенности стиля авторов Киевской летописи и ее составителя-редактора Моисея Выдубицкого.

Различия в применении хронологических формул могут быть и важным признаком при определении принадлежности того или иного фрагмента летописи определенному лицу. Как видно из последних статей, принадлежащих редактору-составителю Киевской летописи, в качестве присоединительной он использует в основном формулу **того же лѣта**, где слово **лѣто** употреблено в значении «год»: «Того же лѣта, месяца декабря въ 6 день, созда [Рюрик Ростиславич] церковь камену» (С. 473); «Того же лѣта созда великий боголюбивый князь Рюрикъ церковь» (С. 474); «Того же лѣта, на зиму, родися дщи у Ростислава у Рюриковича» (С. 474). Встречается здесь и формула **в то же время**: «В то же время благоволи Богъ, поновляя милость свою о насъ» (С. 474—475). Эти формулы в текстах предшественников Моисея в сочетании с другими стилистическими признаками, на наш взгляд, могут свидетельствовать о редакторских вставках выдубицкого игумена. Так, под 1177 г. формулой **В то же время** присоединено известие о делах Ростиславичей, и по своему характеру, и по особенностям языка принадлежащее Моисею: «Въ то же время прииде Мьстиславъ с полкомъ своимъ, и рекоша Ростиславчи: “Оже Богъ хочеть, то завѣтра дамы полкъ Святославу”. Святославъ же увѣда, оже хотять ему дати полкъ Ростиславичи, и побѣже Святославъ чересь Днѣпръ устья Лыбеди, и потопоша людье мнози; переже же того послалъ бяше в Половцьѣ. Половци же слышавше, оже

²⁷ Львов А. С. Выражение понятия времени в «Повести временных лет» // Русская историческая лексикология. М., 1986. С. 24.

²⁸ Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. С. 99.

²⁹ Львов А. С. Выражение понятия времени в «Повести временных лет». С. 25.

³⁰ Там же. С. 27.

Святославъ выбѣгль ис Києва, приѣхавше к Торцькому много людей поимаша. Ростиславичи же, не хотяче губити Руской земли и крестьяньской крови проливати, сгадавше, даша Києвъ Святославу; а Романъ иде Смолньску» (С. 409–410). Здесь встречаются обороты, типичные для стиля Моисея: **оже Богъ хочеть; не хотяче губити Руской земли и крестьяньской крови проливати.**

Что касается полногласного варианта хронологической формулы **в то же время**, на которую обратил внимание П. П. Толочко, то уместно здесь напомнить мнение А. С. Мельничука. Ученый полагал, что специфической особенностью старинной деловой письменности является своеобразное сочетание в ней обязательных приемов оформления документов при помощи традиционных языковых формул и обусловленной соображениями деловой точности тенденции к дословной фиксации высказываний заинтересованных лиц, обычно отражающих характер живого разговорного языка. «Этот второй языковой компонент письменности, — считает А. С. Мельничук, — получил дальнейшее развитие в повествовательном жанре, между тем как традиционные языковые формулы заняли в нем совершенно незначительное место в виде вступительного оборота “В лѣто (такое-то)”, “Томъ же лѣтъъ преставился (князь или епископ такой-то)” и т. п. Ведущую роль приобрел связный повествовательный авторский текст, наиболее непосредственно отражающий выработанные нормы литературного языка. Поскольку эти нормы в древнерусских летописных текстах заметно отличаются от норм церковнославянского языка, они, естественно, должны быть возведены к местной, собственно древнерусской языковой основе. В частности, вполне закономерно предположить, что особенности языка Киевской летописи XII в. в определенной степени отражают живую древнерусскую речь населения Киева этого периода»³¹.

С отражением норм живого древнерусского произношения некоторыми летописцами, как представляется, и следует связать появление на страницах Киевской летописи полногласного варианта существительного **время**, который функционирует лишь в их текстах. В целом же в древнерусском книжном языке была распространена неполногласная форма существительного. Как отмечает А. С. Львов, в том славянском диалекте, на который переводили впервые греческие церковные книги, слово **врѣмя** уже употреблялось в значении «пора», «срок». В древнерусском же языке полногласная форма **время** такого значения не приобрела. Вследствие этого, считает А. С. Львов, оно и было вытеснено книжным заимствованием³². Ф. П. Филин объясняет быстрое распространение неполногласной формы **врѣмя** не только во всех жанрах письменного языка Киевской Руси, но и в разговорной речи тем, что в данном случае не имело места использование слова в неполногласной форме в целях стилистических, а заимствование слова с новым понятием. Полногласная форма **время** в древнерусском литературном языке, по его наблюдениям, употребляется редко и, главным образом, в памятниках делового письма³³. Последнее указание Ф. П. Филина особенно важно, так как помогает объяснить особенности стилистической манеры Петра Бориславича и ее отличие от манеры других авторов Киевской летописи.

Исследованный материал свидетельствует, что выбор полногласной или неполногласной формы определяется личностью пишущего. Так, неполногласие фиксируется у Моисея. 1199 г.: «Время бо требоваше слугы своего» (С. 475); «Небеса безсловесное естество... непременно храняще уставы временемъ» (С. 478). То же наблюдаем у владимирских летописцев. 1173 г.: «Глѣбови же князю Кыевскому в то время болну сущю, посла по брата» (С. 383). Неполногласные формы предпочитает и летописец Святослава Всеволодича. 1174 г.: «В то же время черниговскому князю не мирну с Огомъ Святославичемъ, и воевашеть Олегъ Святославу волость» (С. 393).

Отмеченные нами многочисленные случаи употребления полногласной формы **время** в Киевской летописи существенно изменяют традиционное представление о ее бытовании в древнерусском языке. С 1146 г. она постоянно встречается на страницах этой летописи в составе конструкций **в то время** и **в то же время**: «В то же время посла Игорьъ къ Изяславу» (С. 230); «В то время Святославъ

³¹ Мельничук А. С. О языке Киевской летописи XII века. С. 119.

³² Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 8, 10, 18.

³³ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949. С. 108.

отпусти воѣ свое в Половцѣ» (С. 240); «В то же веремя Изяславъ посла Киеву къ брату своему Володимиру» (С. 245); «В то же веремя стояше Изяславъ верхъ Супоя» (С. 250); «И в то веремя приде къ Изяславу вѣсть къ Мѣстиславичю» (С. 251); «По томъ же веремени, како рѣкы стаща, пославше Олговичъ и Давыдовича дружину свою с половци, воеваша Брягинь» (С. 253); «И в то веремя примчаша к нима половцина дикого» (С. 265); «И в то веремя поиде Володимеръ из Галича» (С. 273); «В то же веремя Вячеславъ сѣдьяше на сѣнници» (С. 277).

Употребление в этот период существительного **время** в составе словосочетания **в то время** и **в то же время** находит объяснение у специалистов в области древнерусского языка. Так, А. С. Львов пишет: «“Повесть временных лет” в употреблении интересующего нас слова не отличается от памятников старославянской письменности. Думается, что употребление слова **врѣмя** преимущественно в неполногласной форме и с определением **се** и **то** обусловлено тем, что для летописца это слово было, так сказать, неродным: оно было заимствовано им из церковных книг. Этим, надо полагать, объясняется и то, что слово это встречается преимущественно в неполногласной форме»³⁴.

Однообразные приемы присоединения одних известий к другим при помощи временной конструкции с полногласной формой существительного **веремя** фиксируются в Киевской летописи до окончания записей Петра Бориславича первого периода и завершения летописания Поликарпа. В этом отношении тексты летописцев-современников почти не различаются. Имеются, таким образом, основания предположить, что и Поликарп, в свою очередь, прошел подготовку в княжеской канцелярии. Его деятельность в роли секретаря Святослава Ольговича в молодые годы представлялась вероятной и Б. А. Рыбакову³⁵. Приведенные факты уточняют утверждения историков языка и свидетельствуют, что в деловой сфере полногласное существительное **веремя** с определением **то** было обычным достаточно долго.

Обращает на себя внимание употребление полногласной формы **веремя** с отрицанием **не** в конкретном значении «не годится», «не время». Она фиксируется два раза в прямой речи, имеющей отношение к Изяславу Мстиславичу. Чтобы объяснить наличие сходного оборота в рассказе о походе Игоря на половцев в 1185 г., П. П. Толочко высказывает предположение, что его автор мог «воспользоваться уже готовым словесным клише»³⁶. В принципе существование такого клише отрицать нельзя. Оно встречается уже в «Повести временных лет», в которой во всех других случаях употребляется лишь неполногласный вариант слова **время**³⁷. Для нашей темы важно, что в летописи Изяслава Мстиславича это клише находится в соседстве с другим оборотом, характеризующим язык ее автора. Оборот **и то рекъ (рекша, рекше)** появляется здесь неоднократно. Ниже приведены примеры, где он выступает в непосредственном соседстве с конструкцией **не твое (не наше) веремя**: «И начаша чернии клобуци молвити Изяславу: “Княже! сила его велика, а у тебе мало дружины, да же не перейдетъ на ны чересь рѣку, не погуби насъ, ни самъ не погыни; но ты нашъ князь, коли силенъ будеши, а мы с тобою, а нынѣ не твое веремя, поѣди прочь”. Изяславъ же рече имъ: “Луче, братье, измрѣмъ сде, нежели сесь соромъ въземъ на ся”. Кияне же начаша стужати ему, рекуче: “Поѣди, княже, прочь” — и то рекше кияне побѣгоша отъ него прочь» (С. 279); «Вячеславъ же съ Изяславомъ рекоста, видивша то: “Наю не веремя нынѣ есть”. И рече Изяславъ отцо своему Вячеславу: “Поѣди ты, отце, въ свой Вышегородъ, а язъ поѣду въ свой Володимиръ; язъ же пакы по сихъ днешъ како ны Богъ дастъ”; и то рекша, поѣхаста» (С. 280).

Оборот «и то рекъ» фиксируется также в рассказе Киевской летописи о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. Он следует за прямой речью, которая, как предполагают, является вставкой в текст Петра Бориславича: «Игорь же рече: “Братья и дружино! Тайны Божия никто же не вѣсть, а знамению творѣць Богъ и всему миру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити”. И то рекъ, перебрѣде Донѣцъ» (С. 431). Рассуждение действительно, скорее всего,

³⁴ Львов А. С. Выражение понятия времени в «Повести временных лет». С. 22.

³⁵ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 310–311.

³⁶ Толочко П. П. Давньоруські літописі і літописці X–XIII ст. С. 174.

³⁷ Филлин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). С. 109.

вымышлено составителем рассказа, склонным к отвлеченным сентенциям в религиозном духе³⁸. Употребление оборота *и то рекъ*, на наш взгляд, подтверждает мысль Б. А. Рыбакова о его вставке в текст Петра Бориславича. Дело в том, что многочисленные случаи употребления данного оборота в летописании Изяслава Мстиславича сопровождают речи полководца совершенно иного плана. 1146 г.: «Изяславъ же събра вься на поли и хрестьяны и поганья, и рече имь: “Братье! . . . А съ сими како ми Богъ дасть и сила животворящаго креста, да любо си голову положю передъ вами, любо си налѣзу столъ дѣда своего и отца своего” и то рекъ поиде на нь» (С. 230); «Изяславъ же рече имь: “А тотъ добръ, кто по мнѣ поидеть”, и то рекъ, съвѣкупи множество вои и поиде» (С. 243). 1148 г.: «На утрѣи же день Изяславъ видивъ, оже Днѣпръ казится, и рече к мужемъ своимъ къ угромъ: “Се съ симъ ны ся полкомъ нѣлзѣ бити сею рѣкою. а сѣмо ся за нами Днѣпръ располиваеть; а поидемъ за Днѣпръ”. И то рекъ Изяславъ поиде за Днѣпръ, в понедѣльникъ» (С. 254); «Изяславъ же рече имь: “Братье! То добро есть хрестьянъ блости, а вы есте были на сонмѣ, а язъ дослю брату Ростиславу и с тымъ паку угадаю, и после вѣ послы свое к вамъ”. И то имь рекъ противу, отпусти послы ихъ» (С. 256). 1150 г.: «Изяславъ же рече имь: “Язъ вожою угры и всѣ земли, но не на свои люди, но кто ми ворогъ, на того вожою; а вы ся не внимайте ни во что же”. И то рекъ, иде мимо» (С. 285). 1152 г.: «Изяславъ же рече дружинѣ своей: “Братья и дружино! Богъ всегда Рускыя землѣ и рускихъ сыновѣ въ безчестьи не положилъ есть; на всихъ мѣстѣхъ честь свою взимали суть. Нынѣ же, братье, ревнуимы тому вси, у сихъ земляхъ и передъ чюжими языки даѣ ны Богъ честь свою взяти”; и то рекъ Изяславъ дружинѣ своей, потѣче всими своими полкы у бродѣ» (С. 310).

Оборот *и то рекъ*, заключающий прямую речь, встречается также в посольских отчетах Петра Бориславича. Так, в отчете 1147 г. посол обращается к Давидовичам от имени Изяслава Мстиславича с длинным посланием. Заканчивается эпизод оборотом, о котором шла речь выше: «И то рекъ поверже имь грамоты хрестьяны» (С. 245). В отчете 1153 г. Володимир Володаревич Галицкий насмеялся («поругася ему») над отъезжающим Петром Бориславичем «и рече “Поѣха мужъ рускый обуимавъ вся волости”». После чего: «И то рекъ иде на полати» (С. 319).

С уходом из жизни Изяслава Мстиславича перестает употребляться в Киевской летописи и оборот, которым автор заканчивал речи этого князя. Появление его в рассказе о походе князя Игоря в 1185 г., как нам представляется, свидетельствует не только о том, что Петр Бориславич не прекратил своей деятельности, но и о его симпатии к храброму Ольговичу. И еще раз мелькнет этот оборот в сходной ситуации. Героическая смерть Ростислава Берладника описана Петром Бориславичем с большим сочувствием³⁹. Речь храбреца сходна с речами Изяслава Мстиславича: «Онъ же рече: “Братья! Вы вѣдаете на чемъ суть ко мнѣ крестъ целовалѣ; ажь ловять головы моя, да Богъ судить имъ и тотъ крестъ, его же ко мнѣ целовалѣ; а язъ не хочю блудити в чюже землѣ, но хочу голову свою положити во отчинѣ своей”. И то рекъ дружинѣ своей, потѣкнувъ к полкомъ галичкымъ» (С. 447).

Другие авторы Киевской летописи после завершения прямой речи применяли иные приемы. Поликарп, например, предпочитал дательный самостоятельный со славянизмом «глаголати»: «Онъ [Игорь Ольгович] же велми възъгласивъ, рече: “О оканьнии! Не вѣсте ся что творяще, се бо творите невѣдиньемъ: аще и все тѣло мое наго оставите, нагъ бо изидохъ изъ чрева матери моя, и нагъ отыду тамо”. И то ему глаголюцю, и емше поведоша изъ монастыря» (С. 248).

В древнерусских памятниках XI–XII в. оборот *и то рекъ* не зафиксирован, хотя в них нередки фразеологические сочетания старославянского происхождения *рекъ сице*, *се рекъ* и т. п. Это дало Ф. П. Филину повод заметить, что в летописном языке данного периода глагол *речи* выступает уже как элемент книжной лексики, хотя он и был свойствен древним восточнославянским говорам⁴⁰. В отличие от *глаголати*, являющегося приметой текстов религиозно-книжного содержания, глагол *речи* в этот период характеризует язык деловой письменности. И его высокая частотность в летописи Изяслава Мстиславича подтверждает деятельность Петра Бориславича в качестве представителя княжеской канцелярии.

³⁸ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 185.

³⁹ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 151.

⁴⁰ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. С. 124.

В рассмотренных выше оборотах (*не наше веремя; и то рекъ*) нет ничего оригинального. Но их повторение в непосредственной близости как в летописи Изяслава Мстиславича, так и в рассказе о походе Игоря наряду с другими факторами может свидетельствовать в пользу авторства одного лица. Усиливает это соображение наличие в рассказе формы **веремя** и не в составе клише. Поскольку П. П. Толочко ее не заметил, приведем фрагмент, включающий как клише, так и самостоятельное существительное **веремя**: «ту же къ нимъ и сторожеви приѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловитѣ, и рекоша приѣхавше: “Видихомся с ратными ратници ваши со здоспѣхомъ ѣздять; да или поѣдете борзо, или возворотиса домовъ, яко не наше есть веремя”. Игорь же рече с братьею своею: “Оже ны будетъ не бившиися возворотитиса, то соромъ ны будетъ пуще и смерти; но како ны Богъ дастъ”. И тако угадавше, и ѣхаша чересь ночь; заутра же пятъку наставшу, во обѣднее веремя усрѣтоша полкы половѣцькиѣ» (С. 431).

Признавая важное значение полногласия или неполногласия в слове **время** для решения вопроса об авторстве, П. П. Толочко, тем не менее, оставил без объяснения наличие только неполногласной формы во второй и третьей частях рассказа.

Его скептическое отношение к возможности определения авторства при учете разной семантики одного и того же слова в категорической форме высказано в статье «Повесть о походе Игоря Святославича в Ипатьевской летописи»⁴¹. «Наблюдения В. Ю. Франчук над употреблением в “Повести” слова “Русь” в первой части в значении “русские полки” или “русичи”, а в третьей — в значении “Русская земля” или “родная земля”, но также и в значении “русские люди”, практически ничего не дают для определения авторства как отдельных частей, так и всего рассказа, — утверждает П. П. Толочко. — Уже с первых страниц летописи этот термин употребляется в обоих значениях — “русичи” и “Русская земля”, причем в одних и тех же текстах. 912 г.: “В лѣто 6420. Посла Олегъ мужи свои построити мира, и положити ряды межи Грѣкы и Русью” ... “да аще в кое время елико ихъ придет, и хотятъ оставити у царя вашего, своею волею да будутъ о Руси о полонѣни многажды от коея страны пришедшимъ в Русь”. В более поздних летописных текстах существительное “Русь” употреблялось чаще в значении “Русская земля”, однако встречается и в значении “русские люди”, “русичи”. 1229 г. “Створиша же межи собою клятву Русь и Ляхове”»⁴².

На самом деле, существительное **Русь** употребляется на страницах Киевской летописи преимущественно как синоним словосочетания **Русская земля**. Только это значение встречается в ее начале, где собраны записи, относящиеся к последним годам жизни Владимира Мономаха: «и придоша в Русь къ Володимеру торци и печенѣзи» (С. 204); «придоша бѣловѣжци в Русь» (С. 205); «Прогна Володимеръ берендичи из Руси» (С. 205); «Преставися благовѣрный князь, христоробивый и великий князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ» (С. 208). Эту же семантику находим у Поликарпа: «Томъ же лѣтѣ поиде Дюрги, с ростовци и съ суждалци и съ всеми дѣтьми, в Русь» (С. 322); «Той же зимѣ пошелъ бѣ Дюрги в Русь, слышавъ смерть Изяславу» (С. 328); «Приде митрополитъ Иванъ в Русь, и не хотѣ его Ростиславъ прияти» (С. 357).

Позже в значении «Русская земля» употребляет существительное **Русь** летописец Святослава Всеволодича: «Реклъ же бяше Святославъ: “Оже пуститъ [Всеволод Юрьевич] Глѣба, поидеть в Русь”» (С. 411); «и пусти [Святослав Всеволодич] брата своего Всеволода, и Олга сына своего, и Ярополка в Русь» (С. 419); «придоша измаилтяне безбожнѣи половци на Русь воевать ко Дмитрову, съ оканьнымъ Концакомъ» (С. 424); «Пошелъ бяше оканьный и безбожнѣи и треклятый Кончакъ, со множествомъ половець, на Русь, похуупся яко плѣнити хотя грады рускыѣ и пожещи огньмъ» (С. 428). Не отличается от современников в данном случае и редактор Киевского летописного свода Моисей Выдубицкий: «и тако многи дары давъ и отпусти [Всеволод Юрьевич] и [Верхуславу] в Русь с великою любовью» (С. 443); «Створи же Рюрикъ Ростиславу велми силу свадьбу, ака же несть бывала в Руси» (С. 443); «тогда же и Яковъ приѣха из Руси, проводивъ Верхославу» (С. 444); «Рюрикъ же оставя путь свой, иде в Русь со

⁴¹ Толочко П. П. Київ і Русь. Вибрані твори 1998–2008 рр. Київ, 2008. С. 194–204.

⁴² Там же. С. 199.

всими своими полкы» (С. 456); «а сына своего Костянтина в Русь посла [Давид Ростиславич] брату своему Рюрикови на рудѣ» (С. 472).

Реже встречается в Киевской летописи слово **Русь** в смысле «русский народ», «русские воины». Впервые это значение появляется под 1140 г. в отрывке, вставочный характер которого подтверждают хронологические формулы **в то же время** и **мы же на преднее возвратимся**, свидетельствующие о том, что текст редактировался разными лицами. Содержание отрывка дало Б. А. Рыбакову основание приписать его перу Петра Бориславича⁴³.

Семантика существительного **Русь** подчеркнута здесь параллельным употреблением словосочетания **Русская земля** (трижды): «взидоста княжича два ись Царягорода, заточени были Мьстиславомъ, великимъ княземъ Киевскимъ: зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовяшеть в Рускую землю в помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здорвье, и про се ся Мьстиславъ разгнѣвася на нѣ и хотяше на ня ити, но нѣлзѣ бо бяшеть ити, зане бяху бо тогда налегли половци на русь, и тому стояшеть бѣся с ними ся перемагася. Се бо Мьстиславъ великый наслѣди отца своего поть Володимера Мономаха великаго. Володимиръ самъ собою постоя на Дону, и много пота утеръ за землю Рускую, а Мьстиславъ мужи свои посла, загна половци за Донъ и за Волгу, за Яикъ, и тако избави Богъ Рускую землю отъ поганыхъ» (С. 217–218).

С середины XII в. во всех фрагментах Киевской летописи, которые Б. А. Рыбаков по другим признакам связывает с именем Петра Бориславича, существительное **Русь** употребляется только в значении «русский народ», «русские воины». 1148 г.: «И оттолѣ пустиста новгородци и русь воевать къ Ярославлю» (С. 260). 1151 г.: «и покрыша Днѣпръ отъ множества вои, а русь переѣхаша в лодьяхъ» (С. 294); «Вячславъ же, Изяславъ и Ростиславъ, то видивше, оже идуть отъ них прочь, и пустиша по них стрѣлцѣ своя черныя клобуки и русь» (С. 302). 1180 г.: «Русь же потопташа ѣ; половци же бѣгаючи передъ русью потопоша мнозѣ въ Черторьи... И тако поможе Богъ руси» (С. 421). 1183 г.: «рекоша же, ако в ту рать вежѣ и кони, скоти мнози, потопли суть в Хирии, бѣгаюче передъ русью» (С. 425); «возвратишася русь, и стояша на мѣстѣ нарѣцаемемъ Ерель, его же русь зоветъ Уголь. Половецкий же князь Кобякъ, мнѣвъ толко руси, возвратися... Русь же приимше помощь Божию и вѣвѣртѣшася в нѣ, и начаша ѣ сѣчи» (С. 427). 1195 г.: «Романъ же не послушавъ ихъ и ни мужий своихъ, и да ему полкъ. И ударишася ляховѣ с русью и потопташа ляховѣ русь, и победи Межька Романа, и избиша в полку его руси много и ляховѣ своихъ» (С. 461–462).

Кроме фрагментов Киевской летописи, которые принадлежат Петру Бориславичу, существительное **Русь** в значении «русские воины» встречается в ее тексте только два раза. Наши наблюдения показали, что его употребление можно связать с тем владимирским летописцем, который создал свою версию похода князя Игоря на половцев в 1185 г., известную по Лаврентьевской летописи.

В летописном рассказе Киевской летописи о походе князя Игоря на половцев в 1185 г., сложном по своему составу, существительное **русь** выступает в двух значениях. В его начале оно означает русских воинов: «и выѣхаша ис половѣцкихъ полковъ стрѣлци, и путивше по стрѣлѣ на русь, и тако поскочиша; русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрля... переднии же ти русь биша ѣ, имаша; половцѣ же пробѣгоша вежѣ, и русь же дошедше вежѣ и ополонишася» (С. 432); «ношахуть русь [Хлеб. сп.: но нашихъ руси] съ 15 мужъ утекши, а ковуемъ мнѣ, а прочии в морѣ истопоша» (С. 434).

Снова появляется слово **Русь** в рассказе Киевской летописи лишь при описании пребывания Игоря в плену и его замысла побега. Но семантика здесь уже другая: «страна», «родная земля». Этот раздел, по мнению Б. А. Рыбакова, составлен на основе материалов летописца Святослава Всеволодича⁴⁴. Употребление слова **Русь**, которое встречается в последнем разделе четыре раза, для обозначения страны вполне согласуется со всеми остальными языковыми чертами этого автора: «Попа же бяшеть привель [Игорь] из Руси к собѣ, со святою службою: не вѣдяшеть бо Божия промысла, но творяшеться тамо и долъго быти» (С. 437); «Будущю же ему в Половцехъ, тамо ся налѣзе ся мужъ, родомъ

⁴³ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 318.

⁴⁴ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 178.

половчинъ, именовъ Лаворъ, и тотъ приимъ мысль благу, рече: “Пойду с тобою в Русь”. Игорь же исперва не имяшетъ ему вѣры, но держаше мысль високу своя уности, мышляшетъ бо емше мужь и бѣжати в Русь» (С. 437); «И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: “Перееди на ону сторону Тора, с конемъ поводнымъ”: бяшетъ бо свѣчалъ с Лавромъ бѣжати в Русь» (С. 438).

Разницу между первой частью рассказа, где даются точные числовые показания по дням, и описанием плена и бегства князя Игоря, где числовых показаний нет, а указываются только дни недели, замечали и раньше⁴⁵. А. И. Соболевский, например, писал: «Если некоторая связь между первой частью “Слова” и рассказом летописи чувствуется, то этого нельзя сказать о второй части. Здесь даже имя половчина, помогавшего Игорю бежать и вместе с ним бежавшего — половецкое: Овлур, Влур, тогда как летопись несколько раз называет его Лавор, т. е. Лавр»⁴⁶. Отличия в написании имени **Овлур — Лавр** становятся понятными в свете гипотезы Б. А. Рыбакова: последняя форма встречается в том месте летописи, где слово **Русь** употреблено в значении «Русская земля», «страна», т. е. принадлежит летописцу Святослава Всеволодича⁴⁷.

В последнем разделе рассказа порядок употребления слова **Русь** нарушается. Появляется термин **Русская земля** (один раз), а русские воины снова названы **русью** (один раз). Приведем отрывок, где встречаются исключения: «С нимъ [Игорем] бо бяшетъ тысяцкого сынъ и конюший его, и та нудяста и глаголюща: “Пойди, княже, въ землю Русскую, аще восхождеть Богъ избавить тя, и не угодися ему время таково, какого же искашетъ”. Но якоже преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля половци; и рекоша Игореву думци его: “Мысль високу и не угодну Господеву имевъши в собѣ: ты ищещи няти мужа и бѣжати с нимъ; а о семь чему не разгадаешъ, оже приѣдутъ половци с войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князя и вась и всю русь? да не будетъ славы тобѣ, ни живота”» (С. 437–438). Содержание приведенного фрагмента во многом неясно. Противоречит он и остальному тексту. По мнению Б. А. Рыбакова, это могло произойти вследствие неумелой обработки материалов летописца Святослава Всеволодича рукой недостаточно опытного составителя, стремившегося вопреки летописному тексту оправдать побег князя Игоря⁴⁸. Употребление существительного **русь** в значении «русские воины» и **Русская земля** в значении «страна» наряду с неполногласной формой существительного **время** позволяет предположить, что здесь были объединены тексты обоих летописцев.

Ссылка П. П. Толочко на употребление слова **русь** в значении «русские люди» в тексте договора начала X в. не представляется убедительной. Как утверждают исследователи, в XII в. слово **русь** в значении «русский народ» воспринималось как устаревшее. По происхождению оно является именем существительным женского рода собирательным, как **чудь, сумь, весь, водь** и многие другие. Все они обозначали прежде всего племя или народ, но и несколько человек могли быть названы **русью**, и страна тоже могла иногда называться **Русью**. «Это было известным неудобством, — считает А. В. Соловьев, — и поэтому древнерусский язык уже с X в. знает форму единственного числа “русин”, особое выражение “народ русский” для обозначения народа и название “Русская земля” для обозначения страны — все в договорах с греками 911 и 944 гг. Понятия страны и народа ясно разграничены»⁴⁹.

Что касается Галицко-Волынской летописи, то появление на ее страницах архаического термина **русь = русские воины** можно объяснить отмеченной в научной литературе тенденцией ее авторов к возрождению традиций древней письменности.

Другой аргумент П. П. Толочко против наличия фрагментов летописания Петра Бориславича в рассказе о походе Игоря строится на неверном толковании Б. А. Рыбаковым слова **побѣда** в значении «поражение» как галицкого диалектизма. Именно наличие редкого оттенка в этом слове и подсказало ученому мысль об участии постороннего лица в составлении рассказа⁵⁰. Ведь и Петр Бориславич, и летописец Святослава Всеволодича, и другие авторы Киевской летописи употребляли слово **побѣда** в обычном общепринятом

⁴⁵ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. С. 111.

⁴⁶ Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве» // ИОРЯС. 1929. Т. II. Кн. 1. С. 184.

⁴⁷ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 177.

⁴⁸ Там же. С. 177–179.

⁴⁹ Соловьев А. В. Русичи и русовичи // Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 279–280.

⁵⁰ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 184.

значении. Таким образом, П. П. Толочко не смог опровергнуть участие третьего, не связанного с киевским летописанием автора, в составлении рассказа. Приведенный им пример из «Повести временных лет» только подтверждает давно высказанное предположение И. П. Хрущева о сходстве рассказа о походе Игоря с рассказом о походе в степь Владимира Мономаха⁵¹. Ср. примеры, приведенные П. П. Толочко:

Киевская летопись: «Се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и славу».

ПВЛ: «И великое спасенье створи Богъ въ тѣ день, благовѣрнымъ княземъ русьскимъ и всимъ хрестьяномъ, а на врага наша дасть побѣду велику»⁵².

Кстати, уже К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал, что речи, произносимые Игорем, отличаются книжностью. «В самом рассказе, — говорит ученый, — мы мало видим тех поэтических черт, которыми вообще богаты источники южнорусского свода, и можно сказать, что этот рассказ так близкий по предмету с “Словом о полку Игореве”, наиболее далек от него по изложению»⁵³.

Слова и обороты, которыми не пользовались киевские летописцы XII в., встречаются в рассказе Киевской летописи о походе князя Игоря лишь в добавлениях, не имеющих прямого отношения к ходу событий. Это свидетельствует в пользу гипотезы Б. А. Рыбакова.

Уверенность П. П. Толочко в том, что рассказ о походе Игоря написан одним автором, поддерживается мнением А. Г. Кузьмина, высказанным им в критическом разборе статьи А. А. Зимина⁵⁴. Однако ссылаться на этот разбор, выполненный по заказу, теперь вряд ли целесообразно. До статьи А. А. Зимина, появившейся в печати в 1968 г., мысль о сложном составе рассказа не возникала ни у одного исследователя. Традиционного взгляда придерживался в этом случае и Б. А. Рыбаков, что позже подчеркнул и сам А. А. Зимин: «К 1971 г. Б. А. Рыбаков отказался от своих представлений о взаимоотношении летописного рассказа и Слова (или изменились в его представлении нормы “научного осмысления источников”, или он отказался от них вообще) и нарисовал следующую схему. В рассказе Ипатьевской летописи нашли отражение три источника: 1) Летопись Рюрика Ростиславича (первая половина статьи 1185 г. и второй “перемыславский” текст о князе Владимире); 2) Летописец киевского князя Святослава (со слов “В то же время великий князь Всеволодович Святослав”), он был недоброжелателен к Игорю; 3) Многочисленные вставки, сделанные составителем киевского свода 1198 г. морализующего и литературного характера»⁵⁵.

Гипотеза Б. А. Рыбакова существенно отличается от схематического представления А. А. Зимина о наличии трех источников рассказа о походе Игоря. Ученый сумел наполнить схему А. А. Зимина конкретным содержанием, так как, проанализировав текст Киевской летописи, предложил свою интерпретацию деятельности и творчества каждого из ее авторов.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в своей работе составитель рассказа Киевской летописи о походе князя Игоря использовал различные материалы. Фактическую основу он взял из современных ему летописей и, обрабатывая эти источники, добавлял фрагменты собственного сочинения, ориентируясь при этом на «Повесть временных лет». Лингвистический анализ подтвердил и предположение о том, что основным источником Киевского летописного свода является исторический труд XII в. с условным названием «Летопись Мстиславова племени». При этом следует учитывать, что творческая манера его предполагаемого автора Петра Бориславича, как она отразилась в Киевской летописи, значительно отличается от манеры других древнерусских летописцев. Подробные рассказы о важных событиях отечественного прошлого, с одной стороны, напоминают отчеты и дневники послов XV—XVII в. С другой — в них фиксируются слова и выражения, отражающие особенности дохристианского периода восточнославянской письменности. Таким образом, изучение языка Киевской летописи позволяет предположить, что в отдельных фрагментах памятника сохранились древние традиции деловой письменности княжеских канцелярий, корни которых уходят в дохристианскую эпоху.

⁵¹ Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI—XII столетия. Киев, 1878. С. 202—203.

⁵² Толочко П. П. Київ і Русь. С. 197.

⁵³ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. С. 115.

⁵⁴ Кузьмин А. Г. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». По поводу статьи А. А. Зимина // История СССР. 1968. № 6. С. 64—78; Толочко П. П. Київ і Русь. С. 195.

⁵⁵ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 189.

